

ИЗМЕНЯЮЩИЙСЯ СОЦИУМ

Социальная структура, социальные институты и процессы.

Политическая социология

CHANGING SOCIETY

Social Structure, Social Institutions and Processes. Political sociology

Научная статья

Социологические науки

УДК 327; 94

[https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4\(18\)-179-191](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4(18)-179-191)

Социально-экономическое положение женщин в Иране к началу Конституционной революции 1905–1911 гг. как кризисогенный фактор общественных отношений

Светлана Александровна Кавун✉

Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия
svetlana.sepideh@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0000-6601-5000>

Аннотация. Объектом исследования в настоящей статье является анализ основных особенностей социально-экономического положения женщин в Иране к началу Конституционной революции 1905–1911 гг. Исследование базируется на тщательном анализе персоязычных источников и литературы, ранее не задействованных в рамках российских исторических исследований. Особое внимание уделяется специфике положения женщин в различных сферах общественной жизни: социальной, семейной, экономической и образовательной. В рамках анализа выделяются три основные категории иранских женщин: горожанки, оседлые крестьянки и кочевницы. Каждая из этих категорий рассматривается с точки зрения их социально-бытовых функций, роли в семейной структуре и правового статуса. Особое внимание уделяется экономическому вкладу каждой из этих групп, при этом основное внимание уделяется городскому населению как наиболее изученной части иранского общества начала XX в. Также проводится оценка образовательных возможностей для женщин в этот период. Автор

© Кавун С.А., 2025

© Россия и мир: научный диалог / Russia & World: Scientific Dialogue, 2025

стремится раскрыть проблему специфической роли женщин в иранском обществе как одного из ключевых факторов, способствовавших кризису общественных отношений в начале прошлого века. На основании проведенного анализа формулируется перечень основных пунктов общественного запроса на ликвидацию неравного положения женщин в различных сферах жизни. Эти пункты рассматриваются как необходимые условия для дальнейшего формирования и развития женского движения в Иране. Исследование представляет собой попытку всестороннего анализа положения женщин в иранском обществе на рубеже веков, а также выявления ключевых факторов, способствовавших возникновению и развитию женского движения в этой стране.

Ключевые слова: Иран, права женщин, гендерная сегрегация, патриархальные отношения, женское образование, хиджаб, семейное право, махр

Для цитирования: Кавун С.А. Социально-экономическое положение женщин в Иране к началу Конституционной революции 1905–1911 гг. как кризисогенный фактор общественных отношений // Россия и мир: научный диалог. 2025. № 4(18). С. 179–191, [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4\(18\)-179-191](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4(18)-179-191)

Original article

Sociological Sciences

[https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4\(18\)-179-191](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4(18)-179-191)

Women's Social-Economic Position in Iran by the 1905–1911 Constitutional Revolution as a Crisis-Ridden Factor of the Public Affairs

Svetlana A. Kavun✉

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
svetlana.sepideh@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0000-6601-5000>

Abstract. This article examines the key aspects of women's socio-economic status in Iran at the beginning of the Constitutional Revolution of 1905–1911. This research is based on a thorough analysis of Persian-language sources and literature that has not been previously included in Russian historical studies. Special attention is given to the specifics of women's status in various areas of public life: social, family, economic and educational. The analysis identifies three main groups of Iranian women: urban, sedentary peasants and nomadic women. Each group is examined in terms of its socio-domestic roles, role in a family structure and legal status. Special emphasis is placed on the economic contributions of each group, with a focus on urban populations as the most researched segment of Iranian society during the early 20th century. A review of educational opportunities available to women during this time period is also presented. The author seeks to uncover the specific role of women in Iranian society as one of the key factors contributing to the crisis of social relations at the beginning of the last century. Based on the analysis conducted, a list of key points for public demand to eliminate women's inequality in various spheres of life has been formulated. These points are considered necessary conditions for further formation and development of women's movements in Iran. The study attempts to comprehensively analyze the position of women in Iranian society at the turn of the century, as well as to identify the key factors that contributed to the emergence and development of the women's movement in this country.

Keywords: Iran, women's rights, gender degregation, patriarchal relations, female education, hijab, family law, mahr

For citation: Kavun S.A. Women's Social-Economic Position in Iran by the 1905–1911 Constitutional Revolution as a Crisis-Ridden Factor of the Public Affairs. Russia & World: Scientific Dialogue. 2025; 4(18): 179–191. [https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4\(18\)-179-191](https://doi.org/10.53658/RW2025-4-4(18)-179-191)

Введение

Специфическое положение женщин в восточных, и особенно мусульманских, странах долгое время является весьма интригующим объектом исследования ввиду внешней закрытости жизни женского сообщества в условиях существования различных барьеров в его взаимодействии с мужской частью населения. В связи с этим большой интерес представляет ситуация с положением женщин в Иране, уникальной с религиозно-этнической точки зрения стране Ближнего Востока, с которой Россию связывает история многовековых экономических контактов и внешнеполитических связей. Еще больше остроты этой теме придает уникальное социально-политическое устройство Исламской Республики, где вплоть до недавнего времени имели место женские протесты, что демонстрирует наличие в этой стране сложного комплекса нерешенных проблем, накопленных столетиями. К сожалению, в отечественной иранистике до сих пор существуют пробелы в изучении женского вопроса, особенно на ранних этапах. Для восполнения этих пробелов мы считаем необходимым начать анализировать ситуацию с положением женщин к началу первой иранской Конституционной революции 1905–1911 гг., давшей стране Конституцию и парламент, рассмотреть социальные, семейные, экономические и образовательные права иранок для понимания основных пунктов общественного запроса на ликвидацию женского неравноправия в этой стране.

Материалы и методы

В ходе написания статьи были использованы разного рода исторические источники и научная историческая литература. К первой группе относятся воспоминания современников и современниц самых разных профессий и национальностей, путешествовавших или постоянно проживавших в Иране в указанный период: инструктора Персидской казачьей бригады Мисль-Рустема, представителя российского правительства и горнопромышленного товарищества Сергея Ломницкого, азербайджанского писателя и просветителя Мирзы Фатали Ахундова, французского историка Генри Рене д'Аллеманя, каджарской принцессы Тадж-ос-Солтане, сестры милосердия и супруги члена британской христианской миссии в Исфагане Клары Колливер-Райс. Слабое развитие социального законодательства (напомним, что первая Конституция в Иране была принята только в 1906 г.) не позволила задействовать

законодательные источники, однако в некоторых случаях для пояснения семейных норм были задействованы цитаты из Корана. Из научной исторической литературы были задействованы преимущественно монографии иранских авторов, не переведенные на иностранные языки: Б.Дельриш «Женщина в каджарскую эпоху» (1996) [18], М.Х.Хосров-Панах «Цели и борьба иранских женщин» (2002) [17], Б.Хеджази «История женщин» (2009) [16], Ф.Зульфакари «Анализ изменения социально-экономического положения женщин в каджарскую эпоху до и после Конституционной революции» (2019) [19], два сборника «Биографии и научные работы шиитских женщин в исламских науках» (2018) [20] и «Социальная история женщин в каджарскую эпоху» (2021) [14], а также четыре научные статьи. Из англоязычной исторической литературы был использован фундаментальный труд Х.Седги «Женщины и политика в Иране» [8] и монография Х.Худфар «Женское движение в Иране» [7]. На русском языке ценные сведения были почерпнуты из переведенного сочинения Х.Фархуджасте «Семья в Иране» (2009) [6] и коллективной монографии Л.М.Раванди-Фадаи и Т.Атабаки «Жертвы времени» (2020) [1]. При написании статьи были использованы как универсальные научные, так и специальные исторические методы, а именно: метод актуализации, ретроспективный, типологический и хронологический.

Результаты исследования

Социально-экономическое положение женщин в Иране к началу Конституционной революции 1905 г. можно условно рассматривать с четырех позиций: положение в общественной жизни, семье, экономике и образовании. В общественной жизни вне дома из-за абсолютной визуальной закрытости в виде хиджаба женщины были полностью лишены индивидуальности и поэтому их взаимодействие и любые контакты с посторонними мужчинами были не только невозможны, но и предосудительны и даже наказуемы. Несмотря на робкие попытки смягчить данные требования к внешнему облику женщин и критику со стороны интеллектуалов, завуалированность женщин сохранялась, имея, правда, под собой не только религиозно-культурные, но и исторические, а также социально-экономические основания. Полное господство патриархальных отношений определяло и положение женщины внутри семьи, что выражалось в отсутствии свободного выбора спутников жизни и частоты беременности в условиях низкого уровня медицины и высокой детской смертности, наличии полигинии и существовании рабства, допустимости домашнего насилия, а также в ущемлении прав женщин на развод и опеку над детьми. Единственная привилегия мусульманских женщин в Иране на получение махра (любого ценного имущества) при заключении брака на практике часто становилась профанацией. Анализ участия женщин в экономической сфере позволяет сделать вывод об их довольно высокой активности как в сельской местности, так и в городах, где они не только выполняли всю работу, связанную с устройством и поддержанием жилища, но и трудились на производстве продукции сельского хозяйства, животноводства и мануфактур, а также заполняли

собой всю сферу услуг, выполняемых для удовлетворения запросов состоятельных дам в условиях гендерной сегрегации. В экономической сфере, однако, негативным фактором являлось доминирование всё тех же патриархальных отношений, которые, с одной стороны, выстраивали гендерную иерархию и препятствовали профессиональному росту женщин, а с другой – лишали их возможности самостоятельно распоряжаться заработком. Критической оставалась ситуация и в женском образовании, которое, по сути, было малодоступным для большинства иранок. Женские школы, образованные иностранными религиозными миссиями, по религиозным соображениям не могли обеспечить потребности в образовании всем иранским девочкам, не говоря уже о взрослых женщинах, а первые попытки самих иранцев открывать школы нового образца вместо немногочисленных религиозных мактабов встречали острую критику иранского духовенства. Все перечисленные ограничения прав и свобод женщин уже к началу Конституционной революции прекрасно осознавались иранскими интеллектуалами и интеллектуалками и становились кризисогенным фактором общественных отношений, что проявилось как в ходе Конституционной революции 1905–1911 гг., так и в более поздние периоды.

Социальная сфера

В социальном плане главная особенность женского существования в каджарском Иране начала XX в. заключалась в наличии жесткой гендерной сегрегации населения. Закрытость женщин выражалась внешне в строгом ношении хиджаба с полным закрытием тела от головы до щиколотки, включая лицо. Покрывало для лица имело лишь прорезь для глаз, но и она затягивалась сеткой из ниток [4, с. 100]. О вреде для зрения от постоянного ношения на глазах сетки никто не рассуждал. В среде просветителей еще со второй половины XIX в. раздавалась критика по поводу закрытости женщин. Так, известный азербайджанский писатель и философ, тесно связанный с Ираном, Мирза Фатали Ахундов отмечал: «На каком основании шариат, опираясь на стих Корана о “хиджабе” (о необходимости затворничества женщин), осуждает женский пол на вечное угнетение, делает женщин несчастными на всю жизнь и лишает их жизненных благ?» [2, с. 103]. Вторил ему и другой иранский интеллектуал и писатель того же периода Мирза Ага-хан Кермани: «Закрытость [женщин] полностью лишила их возможности взаимодействовать с мужчинами», «Иранские женщины не только примитивны в разных суждениях и приравнены к положению рабов, но и лишены всяких знаний» [21, р. 114–115]. При этом самым главным негативным последствием женской необразованности мыслитель считал невозможность таких матерей воспитать достойное, интеллектуально развитое молодое поколение. Однако не стоит в этом вопросе опираться только на мнение просветителей, наделяя их функциями высшего морального камертона. Дело в том, что оба они в значительной мере отошли от ислама, проявляя симпатии к зороастризму либо встав на позиции атеизма или бахаизма, поэтому позволяли себе подчас чрезмерно жесткую критику современного им иранского мусульманского общества. В сущности, жизнь большинства женщин в Иране и тогда проходила не в научных штудиях (хотя

многие состоятельные иранки были прекрасно для своего времени образованны), а в активном социально-культурном взаимодействии, просто реализовывалось оно по большей части в моногендерном кругу. Так, иранки каджарского периода имели широкий спектр досуга и в зависимости от своего материального достатка могли выбрать шоппинг, паломничества, прогулки, посещение бань и услуги «бьюти-индустрии» того времени, охоту, совместные религиозные собрания в мечетях и частных домах, увеселительные музыкальные праздничные мероприятия у родственниц или подруг или организацию оных в собственном доме [13, р. 42–44].

На правовом уровне обязательность ношения такого облачения закреплялась предписанием шариата и устоявшейся многовековой практикой. Правда, имеются свидетельства современников, что еще Насреддин-шах в конце своего правления пытался разрешить женщинам появляться с открытыми лицами, но под влиянием духовенства вынужден был отказаться от этой идеи и даже принял специальный указ отправлять женщин, показавших постороннему свое лицо, на стирку солдатского белья [3, с. 111]. Стоит, однако, отметить, что традицию ношения хиджаба можно считать частью социально-религиозного мировоззрения иранского общества, но можно привести и более рационалистические объяснения. Так, например, логически все предписания по поводу внешнего вида женщины поясняет теория современного иранского этнолога Фатеме Мусави-Вияе [14, р. 62–64]. Согласно ее «теории безопасности», наличие перманентных угроз из-за существования в иранском обществе разных открыто или тайно враждовавших между собой социальных групп, отличавшихся друг от друга этнически, религиозно и культурно, вынуждало женщин превентивно соблюдать меры предосторожности. Проживать эти группы могли весьма компактно, даже гомогенными кварталами в черте отдельно взятого города. При слабом развитии государственной централизации и контроля эта вражда при любом удобном случае приводила к набегам и погромам, сопровождавшимся изнасилованиями и пленением женщин. Так, проживание в непосредственной близости от туркменских племен на северо-востоке Ирана было чревато постоянными набегами и захватами в рабство сельских жителей, поэтому деревни защищали каменными стенами, а для дозора строили «туркменские башни». Та же исследовательница приводит и другую, «аграрную» теорию, объясняющую приниженное общественное положение иранских женщин. Суть теории сводится к тому, что в условиях аграрного характера доиндустриального общества Ирана основной трудовой единицей считался физически более крепкий мужчина, а женщина играла вспомогательную роль и могла иметь значение только в качестве «товара на брачном рынке». Подобное отношение к девочкам, девушкам и женщинам обуславливало жесткий контроль за соблюдением их нравственности и, как следствие, гендерную сегрегацию [14, р. 60].

Семья

Как и в других доиндустриальных обществах, в каджарском Иране господствовала патриархальная семья, а коллективистское мировоззрение оценивало брак в первую

очередь не как союз конкретных мужчины и женщины, а своего рода объединение двух семей, кланов или династий. Девушка в возрасте 7–13 лет была полностью лишена права не только самостоятельно выбирать себе мужа, но даже встречаться с ним до свадьбы [18, р. 22]. Формально на церемонии заключения брака в присутствии муллы невеста должна была подтверждать согласие, однако договор от ее лица подписывал отец [9, р. 376].

Ввиду низкого уровня медицины и оказания врачебной помощи детская смертность в Иране XIX в. была крайне высокой (по самым оптимистическим подсчетам, в возрасте до пяти лет умирала половина детей). По этой причине женщинам приходилось часто беременеть, однако на каждую сотню родов приходилась одна смерть роженицы, а в среднем иранская женщина рожала за свою жизнь по 10 детей [14, р. 46–48].

Полигиния считалась узаконенной шиитским фикхом, поэтому разрешалось одновременно иметь четырех постоянных жен, неограниченное количество временных, а также допускались половые связи с рабынями. Данное положение вещей подвергалось критике прогрессивных мыслителей. Упомянутый выше Ахундов писал: «Улемы наши говорят, что собственники невольниц кормят и одевают их и потому имеют право пользоваться ими. Да зачем же они собственники их? Зачем божество допускает рабство? Оно противно правам человека» [2, с. 105].

В полигинической семье существовала иерархия жен, во главе которой стояла старшая, если она, конечно, родила мужу наследника, ниже стояли другие постоянные супруги по хронологии их вступления в брак, а уже после них временные жены и рабыни. Любопытную зарисовку таких отношений оставила в своих воспоминаниях дочь Насреддин-шаха, каджарская принцесса Тадж-ос-Солтане. Например, старшая жена шаха хранила личные деньги и драгоценности мужа и вела их опись, поэтому после смерти супруга вся семейная «казна» или ее большая часть доставалась родне старшей жены в обход всех других. Так как получить наследство от мужа могли только постоянные четыре жены, всех остальных женщин, не успевших родить детей, могли вернуть в дом их родственников [11, р. 67]. Помимо ненадежного материального обеспечения, женщины шахского гарема не имели никаких более весомых и официально признанных прав вмешиваться в политические дела или хотя бы отчасти влиять на правителя. Любые попытки этого жестко пресекались евнухами либо не выдерживали «внутривидовой» конкуренции.

Специфическими были брачные отношения в племенах. В качестве примера приведем классификацию брачных союзов бахтияр второй половины XIX в. Бахтиярский хан в качестве старшей жены имел соответствующую ему по статусу женщину родом тоже из ханской семьи, которая обеспечивала мужу прочный племенной союз; вторая происходила из зависимого или менее многочисленного племени, с которым желают поддерживать дружеские отношения; третья была родом из крестьян или слуг хана, ее могла выбрать мать будущего хана еще совсем девочкой и вырастить в качестве будущей жены для своего сына. Иногда третью и последующих супруг выбирала старшая жена, предпочитая таких девушек, которые в будущем не смогут составить конкуренцию лично ей [10, р. 63–64]. Вместе с тем стоит отметить, что под влиянием модернизации к началу XX в. многоженство в высших слоях иранского общества сошло на нет либо резко сократилось, а в средних – и вовсе не было нормой [16, р. 169].

Обязательным понятием в семейном праве каджарского периода являлся «махр», что в современной трактовке понимается как имущество, переходящее во владение женщины при заключении брака или спустя определенный срок после него. Махр являлся обязательным условием брака, важным условием его легитимности. Условия выплаты махра оговаривались в каждом отдельном случае, и только родственники невесты могли добиться для нее наибольших выгод, хотя современники отмечают, что на практике женщина получала свой махр только в случае развода по инициативе мужа или его смерти [9, р. 366].

Имеющиеся источники позволяют проанализировать семейный статус персиянок каджарского периода. Лишь незначительная часть брачных договоров имела раздел о семейных правах женщины, к которым могли относиться выбор места жительства или согласие на переезд с мужем в другой город, право требовать развод в случае отсутствия материального обеспечения со стороны супруга или его исчезновения, содержание детей женщины от предыдущего брака или ее согласие с тем, что муж может взять себе новую жену [12, р. 43]. Беспрепятственным правом на развод обладали только мужчины. Если инициатором развода была женщина, то ей приходилось и доказывать обоснованность своих требований, то есть иметь надежную защиту в лице других родственников мужского пола, и отказываться от своего махра [6, с. 50]. Расторгнуть брак было возможным только при согласии мужа. Что касается детей, то, по шариату, в случае развода забота о них поручалась отцу или – при его отсутствии – деду по отцовской линии.

Роль в экономике

Как отмечает иранская гендерная исследовательница и историк Хамиде Седги, в каджарский период «чем выше находились женщины по социальной лестнице, тем более они были закрыты и менее мобильны» [8, р. 29]. Лишь недостаточное материальное обеспечение, находившееся в прямой зависимости от общественного статуса, вынуждало женщин искать трудовую занятость вне дома, однако во всех сферах формировавшейся в стране рыночной экономики господствовала гендерная субординация. Согласно троичной классификации женского социума каджарского периода, приводимой Фатеме Мусави-Вияе, женщин можно было условно разделить на три основные страты: крестьянки, кочевницы и горожанки. В среде оседлых земледельцев женщины не только вместе с мужчинами принимали участие в сборе урожая, работая при этом по 12 часов в сутки на рисовых и табачных полях [17, р. 136], но также выполняли работу, которая считалась традиционно женской: запасали продовольствие, производили домашний текстиль, заготавливали кизяк и прочее топливо. Вдобавок ко всему названному кочевницы обязаны были еще сами устанавливать и обустроить временные жилища. В качестве экономического ресурса женщины из зажиточных слоев могли использовать собственное движимое и недвижимое имущество (водные ресурсы, земельные участки, сады, скот), которым владели на правах наследства, приданного или махра. В городах из-за перманентной занятости мужчин вне дома иранки низшего достатка занимались не только домашними обязанностями, но и ремесленным производством на дому,

особенно ткачеством, ковроткачеством и разного рода рукоделием для продажи. В мануфактурном производстве труд женщин использовался в ковроткачестве, шелковой, парчовой и спичечной промышленности, но их заработная плата была как минимум в три раза меньше, чему у мужчин [1, с. 139–140]. Так, на производстве ковров оплата женщин, девушек и даже девочек (начиная с возраста пяти лет) к началу XX в. составляла всего лишь один цент в день [8, р. 30–31]. Экономически активные горожанки также выполняли вспомогательную бытовую функцию служанок, нянек и кормилиц в богатых домах. Помимо этого, категорию работающих женщин, оказывавших услуги широким слоям городского населения, составляли знахарки, повивальные бабки, банщицы, цирюльницы (занимавшиеся также кровопусканием и удалением зубов), портнихи, вышивальщицы, вязальщицы, булочницы, прачки, руководительницы религиозных служб [19, р. 5]. В условиях господства патриархальных отношений женщина либо сама отдавала свой заработок главе семейства, либо клиенты оплачивали оказанные услуги ему непосредственно.

Образование

Постепенное развитие и частичная модернизация Ирана под влиянием Российской империи, США, Великобритании, Франции и других европейских стран не могли не затронуть образовательной сферы – сначала мужской, а потом и женской. К концу XIX в. в Иране функционировала целая сеть школ, основанная иностранными религиозными миссиями, однако неверно думать, что женское образование создавалось только усилиями иностранцев. Чисто иранское женское образование осуществлялось в двух формах: на дому при помощи родственников или домашних учителей (что само по себе обходилось дорого и поэтому было распространено только среди аристократии) и в начальных религиозных школах (мактабах). В исключительных случаях девушкам позволяли продолжить образование в шиитских духовных академиях (хоузах) [20, р. 396], однако в первом иранском университете Дар-оль-Фонун, образованном в 1851 г., обучение девушек не допускалось вовсе. В мактабах первым обязательным условием было изучение арабского языка, Корана, основ исламского вероучения, а также классической иранской литературы и некоторых точных наук. Преподавали в мактабах выпускницы самих этих школ или духовных академий [20, р. 397–398]. Девочки могли начинать учебу с 5 лет, причем кое-где даже допускалось совместное обучение с мальчиками, однако заканчивалось оно в момент полового созревания девиц примерно в 9 лет [19, р. 58], поэтому считать такое образование достаточным весьма проблематично. Вместе с тем в мактабах, как частных образовательных организациях, не существовало единых стандартов и государственного контроля, применялись физические наказания, а занятия могли проходить в самых разных местах: в доме учителя (или во внутреннем дворе дома совместного проживания), мечети, базарной лавке или просто на перекрестке дорог [15, р. 90].

К началу XX в. в Иране сформировалась тонкая прослойка образованных женщин с активной гражданской позицией, однако их количество было ничтожно мало, если учитывать, что до Конституционной революции 1905–1911 гг. просто грамотными

были всего лишь 2% иранок, происходивших, как правило, из семей аристократии или духовенства [20, р. 396]. Поголовно неграмотной оставалась не только женская, но и мужская часть кочевых племен, в которых лишь верхушка начала получать образование, и то только после Конституционной революции [18, р. 123–124]. Первые попытки создавать школы по европейскому образцу и принимать в них девочек вызвали резкие нападки со стороны ортодоксально настроенного духовенства. В частности, попечитель самого богатого вакфами медресе «Мерви» моджтахед Фазлулла Нури издал фетву, в которой объявил такие школы несоответствующими шариату [7, р. 10].

Выводы

Как видно из проведенного анализа, на женскую часть населения Ирана к началу Конституционной революции 1905–1911 гг. распространялся целый перечень социальных, семейных, экономических и образовательных ограничений, которые являлись прямым следствием господства в стране патриархальных отношений. Так, в социальной сфере имела место гендерная сегрегация при обязательном условии для женщин соблюдать хиджаб в общественных местах. В семейных делах женщина была лишена права выбора спутника жизни, должна была мириться с правом супруга на полиганию, была крайне ограничена в праве на развод, полностью лишалась опеки над детьми, легко становилась жертвой домашнего насилия. Конечно, в отличие от европейских женщин иранские получали махр при заключении брака, однако они не могли определить его размер и принудить супруга к его выплате. При активном участии женщин в экономической жизни страны, в сельской, кочевой и городской экономике, в личном хозяйстве они выполняли также традиционно женские обязанности, так называемую «вторую смену», полностью лишаясь права на отдых. При этом в условиях гендерной сегрегации финансовые расчеты за женский труд производились между мужчинами, поэтому возможности воспользоваться плодами своего труда у женщины также были ограничены. Как следствие, отставало и женское образование, существовавшее для широких слоев в немногочисленных начальных школах (мактабах), а высшее образование и вовсе было под запретом. Попытки прогрессивно настроенной интеллигенции открывать новые женские школы по европейскому образцу вызывали резкий протест духовенства. Все перечисленные ограничения по праву можно считать кризисогенным фактором общественных отношений в Иране к середине 1900-х гг., которые и стали предпосылками зарождения в стране мощного движения за права женщин в последующие годы [6].

Список литературы

- Атабаки Т., Раванди-Фадаи Л. Жертвы времени [Victims of Their Faith]. Москва: ИВ РАН, 2020. 532 с.
- Ахундов М.Ф. Избранные философские сочинения [Selected Philosophical Works]. Баку: АН АССР, 1953. 380 с.
- Ломницкий С. Персия и персы [Persia and the Persians]. Санкт-Петербург: издание А.С.Суворина, 1902. 407 с.

- Мисль-Рустем. Женщины в Персии [Women in Persia] // Исторический журнал. 2015. № 11. С. 92–107.
- Тарасова С.А. Достижения Конституционной революции 1905–1911 гг. в Иране в спектре идеи об установлении женского равноправия [Achievements of the 1905–1911 Constitutional Revolution in Iran in the Shift towards Women's Equality] // Восток (Oriens). 2024. № 5. С. 177–188. <https://doi.org/10.31696/S086919080031062-5>.
- Фархуджаста Х. Семья в Иране [Family in Iran]. СПб.: Петербургское востоковедение, 2009. 190 с.
- Hoodfar H. The Women's Movement in Iran: Women at the Crossroads of Secularization and Islamization. Grabels: Women Living under Muslim Laws, 1999. 46 p.
- Sedghi H. Women and Politics in Iran. New York: Cambridge University Press, 2007. 341 p.
- «سواط، نارمت. یعیس اضرمالغ همجرت. لوا دلج. یرایتخب ات ناسارخ زا. هنر یرناه، یناملاد (د'آلлемانی А.Р. Путевые заметки от Хорасана до Бахтиярии [From Khorasan to Bakhtiariya]. Перевод Г.Р.Самии. Т. 1. Тегеран: Тавос, 1999).
- 1383، رادباتک: نارمت. دازآ دللادسا همجرت. نانآ یگدنز مسر و هار و یناری ناز. سیار رویلوک ارالک (Колливер-Райс К. Иранские женщины и традиции их жизни [Iranian Women and the Traditions of Their Lives]. Перевод А.Азад. Тегеран: Кетабдар, 2004. 246 с.). URL: <https://dl.persianpdf.com/adabiat/%D8%B2%D9%86%D8%A7%D9%86%20%D8%A7%DB%8C%D8%B1%D8%A7%D9%86%DB%8C%20.pdf>.
11. نارای خیرات رشن. منطسلالجات تارطاخ (Воспоминания Таж-ос-Салтане. История Ирана [Memories of Taj-os-Saltan. The History of Iran]. URL: <https://dl.persianpdf.com/tarikh/khaterate-tajalsaltane.pdf>.
12. دانسا ساسا رب هیراجاق نارود رد نیشنرهن ناز قوق یناوخزاب. ب، یمیرک، ا، هانایا یرقاب (Багери-Абияне Е., Кяrimi Б. Анализ прав городских женщин в каджарскую эпоху по материалам документов архива «Женский мир в каджарскую эпоху» [Rereading Urban Women's Rights during the Qajar Era on Basis of Archival Documents of "Women's World in the Qajar Era"] // Социально-исторические исследования, 2020. № 2. С. 35–62).
13. مانرفس هاگدی رب هیکت اب راجاق هرود رد ناز یرامتج تیعضو یررب. ر.م. ملع، س. یرایند (Донияри С., Алам М.-Р. Исследование социального положения женщин в период Каджаров с опорой на взгляды авторов путевых заметок [Analysis of Women's Social Position in the Qajar Era Based on Travelles' Views] // Джонди-Шапур. 2016. № 6. С. 34–57).
14. 355. ص 1400، ثلاث رشن، نارمت. س. م. یعیفس یروآدرگ. راجاق رصع رد ناز یرامتج خیرات (Социальная история женщин в каджарскую эпоху [Women's Social History in the Qajar Era] / Составитель М.С.Шафии. Тегеран: Нашр-е салес, 2021. 355 с.).
15. 1387. مانشناد // داشاضر رصع نایپ ات یرارگون زاغ زا ناز شزوم دور. س. یناسرف یرارت (Тараби-Фарсани С. Обучение женщин с начала модернизации до конца правления Реза-шаха [Women's Educational Process from the Beginning of Modernization to the End of Reza-Shah Era] // Энциклопедия. 2008. № 3. С. 89–101).
16. 464. ص 1388، ارس هدیصق: نارمت. اماناخ خیرات. ب. یراج (Хеджази Б. История женщин [Women's History]. Тегеран: Гасиде-сара, 2009. 464 с.).
17. 336. ص 1381، زورما یرای: نارمت. یناری ناز هزرابم و اه فده. ج.م. هانپورس (Хосров-Панах М.Х. Цели и борьба иранской женщины [Iranian Woman's Goals and Buttle]. Тегеран: Пайям-е емруз, 2002. 336 с.).
18. 254. ص 1375، هروس تاراشتنا مسوم: نارمت. راجاق هرود رد ناز. ب. شیرلد (Дельриш Б. Женщина в каджарскую эпоху [Woman in Qajar Era]. Тегеран: Суре, 1996. 254 с.).
19. مطورش بالقان زادعب و لبعی هیراجاق هرود رد ناز یداصتقا و یرامتج الوحت ریس یررب. ف. یراقفلود. (Зульфагари Ф. Анализ изменения социально-экономического положения женщин в каджарскую эпоху до и после Конституционной революции [Research of the Women's Evolution in Qajar Era before and after the Constitutional Revolution]. Тегеран: Дибодохт, 2019. 108 с.).
20. 448. ص 1397، بللط (Фагиhi-Могаддас Н. Биографии и научные работы шиитов в исламских науках [Shiite Women's Personalities and Works in the Islamic Studies]. Кум: Имам Али бин Аби Талеб, 2018. 448 с.).
21. 132. ص 99 – 132 (Газальсофла М.Т., Нуриян-Дехкорди Н. Мирза Ага-хан Кермани и критика традиции [Mirza Agha-Khan and the Critics of Tradition] // Политические науки. 2013. № 3. С. 99–132).

Информация об авторе

КАВУН Светлана Александровна. Соискатель Института востоковедения Российской академии наук. <https://orcid.org/0009-0000-6601-5000>. Адрес: Российская Федерация, 107031, Москва, ул. Рождественка, 12. svetlana.sepideh@gmail.com

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 22 июля 2025 г. Одобрена после рецензирования: 10 октября 2025 г. Принята к публикации: 20 ноября 2025 г. Опубликовано: 1 декабря 2025 г.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о рецензировании

«Россия и мир: научный диалог» благодарит анонимных рецензентов за их вклад в рецензирование этой работы.

References

- Atabaki T., Ravandi-Fadai L. Victims of Their Faith. Moscow: IV RAN [Institute of Oriental Studie], 2020. 532 p. [In Russian].
- Akhundov M.F. Selected Philosophical Works. Baku: AN ASSR [Academy of Sciences of the ASSR], 1953. 380 p. [In Russian].
- Lomnitskiy S. Persia and the Persians. St. Petersburg: Izdanie A.S.Suvorina [Edition of A.S.Suvorin], 1902. 407 p. [In Russian].
- Misl-Rustem. Women in Persia. Istoricheskij zhurnal [Historical Journal]. 2015; 11:92–107 [In Russian].
- Tarasova S.A. Achievements of the 1905-1911 Constituional Revolution in Iran in the Shift towards Women's Equality. Vostok (Orients) [Orients (Orients)]. 2024; 5:177–188 [In Russian]. <https://doi.org/10.31696/S086919080031062-5>.
- Farhujaste H. Family in Iran. St.Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie [Petersburg Oriental Studies], 2009. 190 p. [In Russian].
- Hoodfar H. The Women's Movement in Iran: Women at the Crossroads of Secularization and Islamization. Grabels, 1999. 46 p. [In English].
- Sedghi H. Women and Politics in Iran. New York: Cambridge University Press, 2007. 341 p. [In English].
- 1378, سواط: نارهت. یعیس اضرمالغ ممچرت. لوا دلج. یرایتخب ات ناسارخ زا هنر یرناه، یناملاد (D'Allemani A.R. From Khorasan to Bakhtiariya. Translated by G.R.Samia. Vol. 1. Tehran: Tavos, 2000) [In Persian].
- رادیاتک: نارهت. دازآ مللادسا ممچرت. نانآ یگدنز مسر و هار و یناریا نانز. س یار رویللوک ارالک 1383 (Colliver-Rice K. Iranian Women and the Traditions of Their Lives. Translated by A.Azad. Tehran: Ketabdar, 2004. 246 p.) [In Persian]. Available from: <https://dl.persianpdf.com/adabiat/%D8%B2%D9%86%D8%A7%D9%86%20%D8%A7%DB%8C%D8%B1%D8%A7%D9%86%DB%8C%20.pdf>.
11. 1378، سواط: نارهت. یعیس اضرمالغ ممچرت. لوا دلج. یرایتخب ات ناسارخ زا هنر یرناه، یناملاد (D'Allemani A.R. From Khorasan to Bakhtiariya. Translated by G.R.Samia. Vol. 1. Tehran: Tavos, 2000) [In Persian]. Available from: <https://dl.persianpdf.com/tarikh/khaterate-tajalsaltane.pdf>.

- یویشرآ دانسا ساسا رب هیراجاق نارود رد نیشنرهش نانز قوقح یناوخزاب. ب. یمیرک، ا. هنایبا یرقاب 35–62 (Bagheri Abyaneh E., Karimi B. Rereading urban women's rights during the Qajar era on basis of archival documents of "Women's world in the Qajar era". Social History Studies. 2020; 2:35–62) [In Persian].
- نآگدنسیون هاگدی ساسا رب راجاق هرود رد نانز یعامتجا تیعضو یسرربرا ما مالآ، سا یرایونود 34-57. Doniyari S., Alam M.-R., Analysis of women's social position in the Qajar era based on travelles' views. Jondy-Shapur. 2016; 6:34–57) [In Persian].
- 1400.355 (Women's Social History in the Qajar Era. Ed. M.S.Shafii. Tehran: Nashr-e sales, 2021. 355 p.) [In Persian].
3. هرامش. 1387. ممانشناد // داشاضر رصع نایاپ ات ییارگون زاغازا نانز شزومآ دنور. س یناسرف یبارت 101–89. (Tarabi-Farsani M. Women's Educational Process from the Beginning of Modernization to the End of Reza-Shah Era. Encyclopedia. 2008; 3:89–101) [In Persian].
16. 1388. 464 (Hejazi B. Women's History. Tehran: Ghaside-sarah, 2009. 464 p.) [In Persian].
17. 1381. 336 (Khosrowpanah M.H. Iranian Woman's Goals and Buttle. Tehran: Payam-e emruz, 2002:336) [In Persian].
18. 1375. 254 (Delrish B. Woman in Qajar Era. Tehran: Surah, 1996. 254 p.) [In Persian].
19. بالبقن زا دعب و لبق هیراجاق هرود رد نانز یداصتقا و یعامتجا لوحت ریس یسررب. ف یراقفلوڈ Zulfaqari F. [Research of the Women's Evolution in Qajar Era before and after the Constitutional Revolution], Tehran: Dibadokht, 2019. 108 p.) [In Persian].
20. یبانب یلع امام تاراشتنا: بق. یمالس مولع رد هغیش ناواناب یلمع راشا و اه تیصخش. ن سدقم یهقیف 1397. 448 (Faqihi-Moqaddas N. Shiite Women's Personalities and Works in the Islamic Studies. Qom: Imam Ali bin Abi Taleb, 2018. 448 p.) [In Persian].
21. 1392، موس هرامش. یسایس مولع // تنس دقن و ینامرک ناخاقا ازریم. ن، یدرکهد نایرون، بت. م یلفسلزق 99 – 132 (Ghezelsofla M.T., Nourian, N. [Mirza Agha-Khan and the Critics of Tradition]. Political Sciences. 2013; 3:99–132) [In Persian].

Information about the author

Svetlana A. KAVUN. Postgraduate of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. <https://orcid.org/0009-0000-6601-5000>. Address: 12, Rozhdestvenka str., Moscow, 107031, Russian Federation. svetlana.sepideh@gmail.com

Contribution of the author

The author declares no conflicts of interests.

Article info

Received: July 22, 2025. Approved after review: October 10, 2025. Accepted for publication: November 20, 2025. Published: December 1, 2025.

The author has read and approved the final manuscript.

Peer review info

«Russia & World: Scientific Dialogue» thanks the anonymous reviewers for their contribution to the peer review of this work.